

ПУСТАЯ СТУДИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

МЫ НЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ВЫЖИТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКСАНДР ЧУВАРЛЕВ

18+

Александр Чуварлев

Мы не должны были выжить

«Автор»

2026

Чуварлев А.

Мы не должны были выжить / А. Чуварлев — «Автор», 2026

Пятеро друзей уходят с горы за десять минут до лавины. Снег накрывает всё: озеро, тропу, камень, на котором они поклялись встретиться через десять лет. Они возвращаются домой целыми. И только потом начинают понимать — вернулись не они.

© Чуварлев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Александр Чуварлев

Мы не должны были выжить

Глава 1

Глава первая. Десять минут

Часть I. Утро

Илья проснулся за минуту до будильника.

Тело знало. Всегда знало — за минуту, за две, за пять, но никогда по звонку. Женя говорил, что внутри у Ильи сидит швейцарский часовщик, который люто ненавидит будильники. Илья не смеялся. Он вообще не любил, когда препарировали его привычки. Но Женя был прав: часовщик сидел. Тикал. Не давал проспать.

Комната тёмная. Полоска серого света пробивалась сквозь щель в плотных шторах — утро выдалось тяжёлое, будто небо налилось свинцом и не собиралось просветляться до вечера. Илья лежал на спине, смотрел в побеленный потолок и слушал. Сердце. Своё ровное дыхание. Глухой гул города за окном. Скрип рассохшихся половиц в соседней квартире. Чей-то надсадный кашель во дворе.

Двадцать шесть. Возраст, когда ты уже не студент, но ещё ни черта не взрослый. Когда друзья вокруг начинают жениться, а ты стоишь в загсе с букетом и думаешь: «Я к этому вообще не готов». Когда работа вроде есть, но какая-то чужая, не та. Когда мама всё ещё зовёт «сынок», и ты для вида морщишься, делая вид, что тебя это задевает. Хотя нет. Совсем нет.

Телефон на тумбочке завибрировал. Три сообщения от Макса, одно от Артёма, что-то длинное от Егора. Макс строчил коротко, с опечатками и капсом. Артём сыпал дурацкими смайликами. Егор сыпал цитатами. Женя мог молчать трое суток, а потом просто скинуть в чат: «Едем или как?»

Илья не взял трубку. Сначала — встать.

Пол холодный. Всегда ледяной, даже в разгар июля. Старый сталинский дом, толстые доски, никакой изоляции. Бабушка всегда вздыхала: «Зато квартира дышит». Илья никогда не понимал, что это значит. Дом дышал, половицы были под каждым шагом, окна свистели на сквозняке, и зимой приходилось спать в двух парах шерстяных носков. Но он любил это место. Здесь прошло всё детство. Здесь пахло мамой — крепким чёрным чаем, свежей сдобой, горячим утюгом и чем-то ещё, тонким, неуловимым. Тем, чему нет названия. Но что сразу узнаёшь, если закрыть глаза и глубоко вдохнуть.

Он спустил ноги, натянул носки и прошлёпал в коридор. Из кухни тянуло тёплым жёлтым светом. Слышалось негромкое, немного хриловатое пение. Мама пела. Она всегда напевала себе под нос по утрам, если настроение было хорошим. Какие-то старые советские песни, которые Илья слышал сотни раз, но так и не выучил до конца ни единого куплета.

— Доброе утро, — сказал он, прислонившись к дверному косяку.

Мама стояла у плиты. Старый синий фланелевый халат — тот самый, с аккуратной заплаткой на локте. Волосы перехвачены заколкой в пучок, пара седых прядей выбилась на лоб. Она обернулась и тепло улыбнулась уголками губ.

— О, явился. Садись давай, каша как раз подошла.

На столе уже стояла тарелка — овсянка, пар столбом, кусок тающего сливочного масла прямо по центру, ложка аккуратно справа. Рядом — пузатая кружка с чаем, крепким, мутноватым от молока. Илья сто раз хотел сказать, что давно пьёт чай чёрным, чистым. Она всё равно лила молоко. Каждый божий раз. Он уже не спорил.

— Ты чего в такую рань подорвалась? — спросил он, придвигая стул. — Пять утра ведь.

— А ты чего? — она повернулась, вытирая руки вафельным полотенцем. — Думал, я дрыхнуть буду, пока единственный сын в горы собирается? Пирожки вон, на подоконнике, в пакете. Всё с собой заберёшь.

— Мам, ну куда мне столько... У нас багажник и так под завязку.

— Куда надо. В горах холодина собачья. Горячего там днём с огнём не найдёшь. Я тебе ещё суп в термос налила. И носки шерстяные положила. Две пары.

Илья шумно выдохнул в кружку. Диалог был знаком до последнего слога. Мама каждый раз провожала его так, будто ему снова пять лет и его на всё лето ссылают в лагерь строгой дисциплины. Носков он обычно брал одну пару — на всякий случай. Домой неизменно возвращался с двумя, заботливо всунутыми на самое дно рюкзака.

— Мам, мне двадцать шесть лет, на минуточку, — мягко напомнил он.

— И что с того? — она шлёпнула перед ним тарелку с хлебом. — В двадцать шесть у нас законы физики отменяются? Не мёрзнешь больше?

— Не мёрзну.

— Ага, конечно. Помню я твоё прошлогоднее «не мёрзну». Продуло насквозь, потом две недели лёгкие выплёвывал, хрипел как старый трактор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.